

въ числѣ первыхъ учениковъ. Нѣтъ, — думается ему, — быть не можетъ, чтобы ему не дали роли. И ужъ какъ же онъ будетъ хорошо играть! Съ такими мыслями въ головѣ мальчикъ легъ спать.

Что было на другой день, объ этомъ мы приведемъ слова самого Щепкина, который на старости лѣтъ описалъ это въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Отправясь въ обыкновенное время утромъ въ училище, мы увидѣли съ сестрой на первомъ перекресткѣ двухъ учениковъ, которые преисправно таскали другъ друга за волосы, приговаривая: — „Врешь, ты не будешь играть, а я буду!..“ — „Нѣтъ, ты не будешь, а я буду! Третьяго дня учитель былъ у насъ въ гостяхъ, и батюшкѣ стоитъ только слово сказать, я и буду играть“... — „А все-таки не будешь: моя матушка отнесла ему вчера гостинецъ, полъ-пуда меду; она только слово пикнетъ, и я буду непременно играть“.

„Когда же мы пришли въ школу, тамъ былъ просто содомъ: только и слышалось: „Я буду, ты не будешь!“ — „Нѣтъ, ты не будешь, а я буду!“

Понятное дѣло, Миша, слушая такіе разговоры, долженъ былъ съ замираніемъ сердца дожидаться прихода учителя, который сразу покончить всѣ споры. И дѣйствительно: вошелъ учитель, сердито спросилъ, почему ученики не сидятъ на своихъ мѣстахъ, и, узнавъ, о чемъ у нихъ шли споры, сказалъ: — „Подайте сюда книгу; я самъ назначу, кому играть!“ — Онъ написалъ въ книгѣ распредѣленіе ролей и замѣтилъ: — „Я назначилъ тѣхъ, кто лучше учится; это имъ въ награду, а лѣнтяямъ это будетъ наказаньемъ“.

Щепкинъ вспоминаетъ: — „Когда прочли назначеніе